

Рыцарь печального имиджа

Век. Москва. — 1999 — 15 окт. — с. 5

Последний спектакль театра «Et cetera» не получается перечислять через запятую с предыдущими, как это предполагает название театра, переводимое на русский, как «и так далее». После ряда откровенных неудач здесь наконец-то появился спектакль умный и добротный. Местами тяжеловесный и вязкий (в основном в массовых сценах со всеми атрибутами, положенными «рыцарскому» действию, вроде фламенко, фехтования, драк на ножах и имитации комедии дель арте). Местами несовершенный, но завершённый, цельный.

Ольга ФУКС

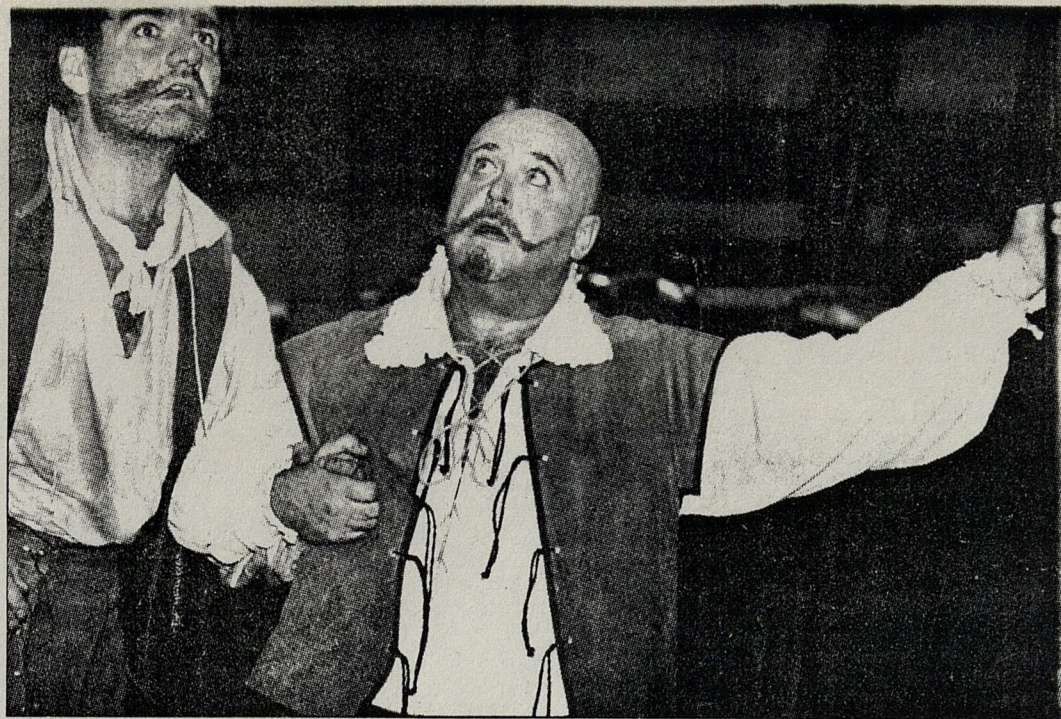
Режиссер Александр Морфов, болгарская знаменитость новой волны, выступил здесь и как автор идеи, инсценировки, а заодно и музыкального оформления.

В прологе и эпилоге его главный герой — не Дон Кихот, а тот самый Алонсо Кехано, который излечился от безумия и отрекся от своего донкихотского прошлого. Излечился, да не совсем.

Когда стражник, который пришел арестовать окаянного Дон Кихота, неуважительно пнул ржавые доспехи, похороненный было рыцарь печального образа вновь воскрес в опустившемся старике Алонсо, и он в лучших традициях кихотского достоинства возопил: «Это мои доспехи». Забыв, что ему угрожает смертельная опасность. Сплав хитрости, жалкости, симулянтства, не до конца убитой гордости и разбереженной памяти — таким начинает играть своего Дон Кихота Александр Калягин, быстро развивая сомнения тех, кто скептически относился к этой идее: мол, Кихот, да не тот. Главное, что Калягин — тот.

Похождения Дон Кихота ограни-

чились постоянным двором, в который художник Эдуард Кочергин превратил «чудовищную», по его словам, сцену театра (зрители первых рядов с удовольствием вдыхали запах древесной стружки). Здесь обитают крестьяне, проститутки, священник, бродячие артисты, беглые каторжники. Здесь деяния Дон Кихота развиваются по нарастающей. По формуле, противоположной мефистофельской («Я часть той силы, что вечно хочет зла и вечно совершает благо»). Сначала он не разглядит в «благородном рыцаре» бывшего вору, затем не захочет поверить в розыгрыш бродячих артистов и бросится сражаться с колдуном. А потом и вовсе отпустит каторжников, которые идут на каторгу «против своей воли», а те, вырвавшись на свободу, разделяются со всеми, кто подвернется им под руку. И платой за добро станут выбитые зубы, а вовсе не любовь прекрасной Дульсинеи (Мария Скосырева), беременной, кажется, от всех мужчин сразу. Жизнь добьется-таки того, чтобы даже самый последний романтик перестал воспринимать ее романтически.

Михаил ГИТЕРМАН

Дон Кихот и Санчо Панса уверены, что человечество их заждалось (Владимир Симонов и Александр Калягин)

Морфов «запал» на Калягина после фильма «Неоконченная пьеса для механического пианино», который он пересматривал много раз. «Запал» настолько, что посвятил

ненную штуку). Режиссер словно подчеркнул, что эта тема — главная в калягинской актерской судьбе. Дон Кихот излечился от своей болезни, окончательно заразив ею

оказывается зараженной тем же вирусом, что и Санчо Панса у Морфова.

По иронии судьбы к Дон Кихоту приходят настоящие стражники, чтобы пригласить его к настоящему королю со всеми почестями (власть иногда любит приблизить к себе интеллигенцию с ее высокими «никчемными» порывами) именно тогда, когда тот перестал быть Дон Кихотом. Восстановить статус-кво было бы очень просто. Но Кихот и Санчо, переглянувшись, понимают: кто раз отказался от религии донкихотства, больше не вправе себя так называть.

...Квакают лягушки, бродяги удят рыбу. Между ними сидит старик, закутанный в шаль: «Эй, а я когда-то был Дон Кихотом», — начинает было он, а те отмахиваются — рыбу, мол, распугаешь. Старик послушно замолкает, сам не понимая, что это на него опять нашло. А из дверей театра «Et cetera» на новомодный Новый Арбат выходит бывший Санчо Панса в дырявых рыцарских доспехах с растерянностью в глазах и «высокой думой на челе». Чтобы вы чего не подумали — это только видеозапись на опущенном театральном занавесе.

Сервантес. «Дон Кихот».
Постановка и инсценировка
Александра Морфова
(Болгария). Театр «Et cetera»
и Российское театральное
агентство.
Спонсор — Банк Москвы

ему финал спектакля, где старый Дон Кихот закутан в шаль, наподобие Платонова, который бросился с обрыва в реку по колено (избавление от иллюзий — крайне болез-

добродушного мужика Санчо Пансу (Владимир Симонов). И здесь Александр Морфов отчасти переключается с Александром Володиным — его «Дульсинея Тобосская»

Морфов Александр

15.10.99.